

На правах рукописи

ИВАНОВА Людмила Геннадьевна

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТА-ГУМАНИТАРИЯ

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата культурологии

16 ИЮН 2011

Шуя 2011

Работа выполнена на кафедре культурологии ФГОУ ВПО
«Пермский государственный институт искусства и культуры»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Лейбович Олег Леонидович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Фатенков Алексей Николаевич
кандидат культурологии
Красильникова Мария Юрьевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Пермский государственный
педагогический университет»

Защита состоится «4» июля 2011 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.302.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата культурологии при ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет» по адресу: 155908, Ивановская обл., г. Шуя, ул. Кооперативная, д. 24, ауд. 220.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет».

Автореферат разослан « » июня 2011 г.

И.о. ученого секретаря,
д. филол. н., доцент

Д.Л. Шукуров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Связка «гуманитарий – книга», возникшая в эпоху Высокого средневековья, в течение последних столетий превратилась в «общее место» (топос) новой картины мира. В круге интеллигенции можно было обсуждать, какие книги делают человека гуманитарием, как совершенствовать культуру чтения, или преодолевать препоны между литературой и массами, по каким критериям отличать настоящую книгу от подделки под нее и пр. В общественных дискуссиях, однако, никогда не ставилось под сомнение значимость книжной культуры в процессе становления и функционирования гуманитарного знания, тем более гуманитарного сообщества.

Советская идеология, унаследовавшая идеи Просвещения, отводила книге важнейшую роль в деле воспитания нового человека. «Всем хорошим во мне я обязан книгам» – эти слова М. Горького, миллионы раз повторенные на плакатах в школах, библиотеках и книжных магазинах, действительно выражали отношение к ним новой власти. В советской культуре господствует слово, воплощенное в тексте (О. Лейбович). Наследие основателей социалистического строя, прежде всего писателей, сохранено в собраниях сочинений: «Есть книги – волею приличий они у века не в тени./ Из них цитаты брать – обычай – во все положенные дни» (А.Твардовский). В той или иной мере позицию власти разделяла интеллигенция. В ее глазах книга обладала символическим значением: по степени овладения книжной культурой проводили разграничительную линию между интеллигенцией и другими слоями социалистического общества. При помощи книги производилась процедура идентификации интеллигента с воображаемым сообществом, включавшим в себя и современные ему нравственные авторитеты (Д.С. Лихачев), и длинную череду предшественников.

По поводу книги сложился консенсус между властью и интеллигенцией. Обе стороны принимали ее как важнейший, ничем не заменимый инструмент Просвещения, более того – как средство социальной и политической идентификации в мире. Все демаркационные линии располагались внутри согласного круга: что отличает хорошую книгу от дурной; кто имеет право выносить вердикты по поводу ценности той или иной книги и пр. В полемике между властью и диссидентами эти темы возникали постоянно. Не будет преувеличением предположить, что вопрос о праве на чтение – на самостоятельный выбор книги – был решающим в процессе самоопределения последнего поколения советской интеллигенции: с властью или без нее.

Книга как типографский продукт, предназначенный на продажу, разделила судьбу иных потребительских товаров. Некоторые ее виды (беллетристика, художественные альбомы) стали дефицитом, тем самым обретая статус предметов престижного потребления. В череде символов поздней

советской зажиточности домашние библиотеки занимали место рядом с хрустальной посудой.

В постсоветскую эпоху эта социокультурная ситуация претерпела качественные изменения. Инструментом распознавания реальности все чаще становится рекламный образ, потеснивший вербальные тексты в городском пространстве. Культурологи заговорили о формировании «клипового сознания» у горожан, способных реагировать только на движущуюся картинку. Упростились технологии образовательной деятельности: составленные из отрывков «ридеры» потеснили книгу. Владение книжной культурой рассматривается представителями нового предпринимательского класса скорее как помеха успешной деятельности, нежели как ее необходимое условие. Сужается круг интеллигенции, для которой книга была её общим духовным домом.

Изменилась и сама книга. К традиционным томикам, изданным типографским способом в соответствии с установленными правилами, добавились электронные устройства, способные хранить в себе целые библиотеки.

В прессе, по-преимуществу электронной, ведутся споры на тему, когда и при каких условиях электронная книга заменит библиотечные сети.

Перед гуманитариями, изучающими книжную культуру, встает проблема, как реагировать на изменение массового сознания. Что происходит с книгой? Переживаем ли мы эпоху угасания книжной культуры как таковой или сталкиваемся с кризисом, сопровождающим смену форм книжной культуры под воздействием мощных, еще не полностью понятых социокультурных процессов; насколько реалистичны суждения о грядущей эпохе образного восприятия мира? То, что три десятилетия назад казалось и было аксиоматичным, сегодня стало дискуссионным, требующим дополнительных культурологических исследований.

Изменился и сам гуманитарий. По новым образовательным стандартам это уже не хранитель высокой культуры, но специалист, владеющий коммуникативными технологиями в динамичной рыночной среде. Не филолог, но менеджер в структуре public relation, владеющий графическими средствами передачи смыслов; или их конструктор, работающий по правилам, продиктованным рынком.

В новых условиях отношение «гуманитарий – книга» становится проблематичным и, стало быть, достойным предметом для гуманитарного анализа.

Состояние разработанности проблемы определяется значимостью книжной культуры для гуманитарного дискурса. К этой теме обращались историки, книговеды, философы, культурологи. Предметом их исследований выступают генезис, сущность и функционирование книги, её влия-

ние на культуру, общество и индивида. В круг тем входят и средства коммуникации, при помощи которых книжная культура распространяется в толщах общества, становясь общим достоянием в эпоху модернизации.

Попытаемся аккумулировать накопленное знание, выделив несколько научных школ. Нужно отдавать себе отчет в том, что любая систематизация является условной, огрубляющей результаты прежних исследований за счет ценнейших оттенков гуманитарной мысли, интеллектуальных прорывов в иные области знания. Тем не менее, использование этой процедуры кажется нам необходимой хотя бы для того, чтобы избежать простого перечисления имен и трудов, не дающих представления о сложнейшей эволюции общественной мысли, ее внутренних противоречий, дискуссий и различных интерпретаций.

По временной протяженности первой можно считать *историко-книговедческую традицию*, которая своими корнями уходит в античность. К истории книги обращались древние авторы, начиная с Геродота и Плиния Старшего. В Средние века о книжности писали отцы церкви Климент Александрийский и патриарх Константинопольский Фотий.

Для М. Монтеня – уже в иную эпоху – книга предстает продуктом культуры, высшей культурной ценностью.

В новое время сначала в Западной Европе, а затем в России появляется особая профессия библиографов, занятых книжным делом. (Г.Ф. Де Бюр; Митрополит Евгений, в миру Е. А. Болховитинов; В. И. Сопиков; К. Ф. Калайдович; П. М. Строев; В. Г. Анастасевич и др.)

В XIX веке складывается отечественная традиция книговедения, представленная работами Ф. И. Булгакова, А. И. Кирпичникова, М. Н. Куфаева, Н. М. Лисовского, С. Ф. Либровича, П. К. Симони. Ее расцвет приходится на вторую половину уже следующего – XX столетия.

В XX веке развивалось *предметно-функциональное направление* в изучении книги.

На современном этапе не прекращаются дискуссии отечественных исследователей об адекватности применения в научном обороте категорий «книга» и «документ». Тенденция заменить категорию «книга» «документом» представлена в работах О. П. Коршунова, Ю. Н. Столярова Г. Н. Швецовой-Водки и др. С ними не согласен А. А. Гречихин, указывающий на то, что эти авторы не учитывают историко-типологическую составляющую принципа системности, согласно которой книга отражает в себе функции трех основных исторически формирующихся способов информационного общения – произведения, документа, издания.

Среди подходов к изучению книжной культуры в рамках *культурологической традиции* особое место занимает культурно-мемориальный, свя-

занный в научном знании с именами С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, А. Ф. Loseva, Ю. М. Лотмана.

Определяющие позиции данного подхода, с нашей точки зрения, представлены в работах Д. С. Лихачева, для которого книжная культура является неотъемлемой частью высокой культуры, а книга – носителем её идеалов.

Проблемы книжной культуры рассматривались также и в рамках семиотического подхода, для представителей которого книга отождествляется с текстом: системой знаков, включающих слово, предложение, язык. Так теория Ф. де Соссюра обусловила описание культуры в целом как знакового пространства и стала определяющей для представителей тартуско-московской семиотической школы. Тартуско-московская семиотическая школа неразрывно связана с именем Ю. М. Лотмана и идеей вторичных моделирующих систем (литературы, искусств).

В рамках культурологической традиции проблемы книжной культуры и существования книги рассматривались и с точки зрения *коммуникативного подхода*, в котором книга представлена как средство социальной связи между людьми. Различные модели коммуникации в большинстве отождествляют социальную коммуникацию с массовой коммуникацией. Линейная модель сформулирована американским социологом Г. Д. Лассуэллом, для которого основная функция средств массовой коммуникации – поддержание равновесия в обществе. В интеракционистской модели, предложенной Т. Ньюкомбом, аудитория рассматривается не как объект воздействия, а как равноправный субъект коммуникации.

В комплексной междисциплинарной концепции социальной коммуникации – семиосоциопсихологической (диалогической), разработанной российским ученым Т. М. Дридзе, дается глубинное понимание взаимообращенных процессов, постоянно происходящих между человеком и его информационной, социокультурной средой. Предметом изучения представителей данной концепции является знаковое общение как процесс обмена текстуально оформленной смысловой информацией.

Представление о диалоге как о коммуникации с взаимопониманием перекликается с трудами многих известных литературоведов, теоретиков искусства, например, М. М. Бахтина.

В рамках семиосоциопсихологии для обозначения материального носителя коммуникативного акта используется универсальный термин – текст. Возможность выделения в любом целостном, завершенном тексте мотивационно-целевой структуры, ориентированной на интенцию, является универсальным подходом к пониманию скрытых пружин коммуникационных процессов.

Концептом, претендующим на статус метатеории, является идея социальной коммуникации А.В. Соколова, для которого культура любого со-

общества людей представляет собой синтез важных составляющих, а именно культурного наследия и культурной деятельности. В предложенной им метатеории социальных коммуникаций выявлены общие закономерности, сходство и различие различных видов, уровней и форм социальной коммуникации.

В рамках теории модернизации достаточно симультанно использование понятий «книжная культура» – «книжность»; «литературная культура» – «литературность». В работах Л. Гудкова и Б. Дубина обозначены точки пересечения модернизации и книжности, на материале которой, как символического отражения модернизации, общественного расслоения, массовизации культуры, можно проследить процессы социальной динамики и усложнения репродуктивных структур общества.

Таким образом, в гуманитарной традиции сложился устойчивый комплекс знаний относительно книжной культуры: ее содержания, исторических форм, коммуникаций, создателей, трансляторов и носителей. Определены исследовательские поля, апробированы методы. Проблема состоит в том, насколько надежный, проверенный в дискуссиях инструментарий пригоден для изучения новой культурной ситуации. Не переживает ли гуманитарное сообщество эпоху методологического хаоса, предшествующего переходу к новой парадигме (Т. Кун)? Насколько соответствуют разработанные прежде методологические подходы к решению новых задач? И если мы полагаем, что эвристические возможности прежних теорий не исчерпаны, то к какой из них обратиться, чтобы понять роль книжной культуры для современного студента-гуманитария.

Цель исследования – выявить значение книжной культуры в жизненном мире современного студента-гуманитария.

Объектом исследования выступает жизненный мир современного студента-гуманитария.

Предмет исследования – книга в жизненном мире студента-гуманитария.

Гипотеза исследования:

В жизненных мирах студентов-гуманитариев воспроизводятся основные смыслы современной постсоветской культуры с ее иррациональностью, ориентацией на успех, магическими практиками.

Место книжной культуры (книжности) в жизненном мире студента-гуманитария определяется его интерсубъективным опытом, приобретаемым в пространстве большого города.

Для людей, социализировавшихся в постсоветской культуре, книжность становится маргинальным феноменом в их жизненных мирах.

Для достижения поставленной цели исследования решались следующие задачи:

- реконструировать образы книги и книжной культуры в гуманитарной традиции;
- интерпретировать книжную культуру в категориях феноменологической философской традиции;
- представить место книжности в современной культурной ситуации;
- разработать исследовательский инструментарий для изучения книжной культуры, соответствующий феноменологической методологии;
- обнаружить смысловое значение книжной культуры в жизненном мире студента-гуманитария.

Методы исследования.

Главный метод исследования определяется феноменологической традицией изучения повседневности. Метод, основанный на феноменологической традиции, предусматривает обращение к книжной культуре как к таковой, наполненной заранее известными смыслами.

Дополнительным методом, не противоречащим феноменологическому, нами избран антропологический метод, предусматривающий рассмотрение книжной культуры через призму индивидуальных опытов, что позволяет придать книжной культуре человеческое измерение.

Источниковедческая база исследования представляет собой две группы источников.

1. Основным источником являются тексты философского, культурологического, социологического и др. содержания, в которых выражена книжная культура.

Критерии отбора этих текстов следующие:

тематические (тексты, в которых проблемы книжной культуры обсуждаются, интерпретируются, дискутируются);

статусные (тексты, которые признаны в гуманитарном сообществе в качестве значимых, приоритетных).

2. Материалы антропологического исследования жизненного мира горожан, проводимого по принципу качественного полуструктурированного интервью (методика С. Квале). Исследование проводилось в 2009 – 2011 гг. и включало в себя следующие этапы: разработка программы исследования, обоснование выборки, разработка диалогической матрицы, интервьюирование, расшифровка аудиозаписей, культурологическая интерпретация полученных данных.

Исследовательское поле было ограничено социальным пространством большого индустриального города – Перми. На основании концепции жизненного мира произведен отбор людей для антропологического исследования – студентов гуманитарных специальностей. Антропологическое исследование предполагает применения качественных методов сбора информации. В нем заранее не определяется количество респондентов. Интервьюирование продолжается до тех пор, пока информанты не начинают повторяться в своих ответах (А. Страус, Дж. Корбин). В нашем случае количество студентов не превысило 15 человек, как выяснилось, выровненных по своим статусным параметрам: уровням и стилям потребления, самооценкам принадлежности к группе «малоимущих» жителей города.

Методологическую основу исследования составил феноменологический подход к изучению книжной культуры, что означает интерпретацию ее в терминах теории повседневности. На основе этой теории формируется методология исследования.

В представлении А. Шюца мир состоит из множества реальностей – реальностей науки, религии, снов, искусства, книжных миров и т.д. Но главной реальностью является наша повседневная жизнь.

Задача феноменологической антропологии в представлении А. Шюца – получить упорядоченное, научное знание о совокупности объектов и событий внутри интересубъективного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью и связанных друг с другом интеракциями. В рамках социальной феноменологии жизненный мир предстает как всеохватная сфера человеческого опыта, ориентаций и действий, посредством которых люди осуществляют свои планы, дела и интересы, манипулируя объектами и общаясь с другими людьми.

Опираясь на парадигму А. Шюца, мы предлагаем рассматривать книжную культуру студента – гуманитария с помощью категорий *повседневность* и *жизненный мир*.

Социологический смысл понятия жизненного мира состоит в том, что он воплощает опыт интересубъективности – личный опыт человеческого общения. Понятие жизненного мира А. Шюц включает в корпус собственно социологических понятий, соотнося его с важнейшими тремя: *жизненный мир* – это мир в естественной установке сознания. Эта установка прагматична, утилитарна и включает в себя различные области релевантности; *жизненный мир* – это интегративная характеристика человеческого бытия и поведения в социальном мире. Понятие *жизненного мира* включает в себя и те средства, с помощью которых человек ориентируется в жизненной ситуации и достигает поставленных целей, используя запас наличного знания. В рамках социальной феноменологии социальный мир предстает прежде всего и главным образом как мир значений.

Опираясь на метод, предложенный А. Шюцем, мы анализировали книжную культуру как неотъемлемую часть повседневности.

Повседневность складывается из множества интерессубъективных опытов индивидов, пребывающих в пространственно-временном континууме. В данном случае речь идет о первом десятилетии XXI века и пространстве города.

Для полевого антропологического исследования был выбран большой индустриальный город Пермь, претендующий по официальным материалам на роль культурной столицы России.

Теоретической основой исследования избрана феноменологическая философия Э. Гуссерля. В терминах феноменологической философии книга может быть рассмотрена в контексте жизненного мира индивидов.

Для Э. Гуссерля философское осмысление жизненного мира является предпосылкой выработки общего представления о системе человеческого знания, включая и знание научное. По его мнению, индивиды видят мир упорядоченным. Для них социальный мир предстает хорошо организованным и структурированным. Однако люди не осведомлены о том, что именно они его упорядочивают определенным образом. Феноменология как раз изучает, какими предстают объективные реалии – события, социальные ситуации, действия – в сознании индивидов. По Э. Гуссерлю сознание всегда представляет собой сознание конкретных жизненных реалий.

Основные этапы исследования следующие:

Выбор методологии, соответствующий исследовательскому замыслу. Перед нами открывались две возможности: исследовать книжную культуру в рамках теории модернизации или в рамках теории повседневности. Наш выбор теории повседневности связан с эвристическими возможностями последней, заключающимися в понимании состояния книжной культуры здесь и сейчас, применительно к жизненному миру студентов-гуманитариев.

Выбор техники исследования. Мы остановились на качественном исследовании, позволяющем на основании глубинного интервью ограниченного круга респондентов представить достоверный образ книжной культуры.

Описание выборки. На основании концепции жизненного мира произведен отбор людей для антропологического исследования: студентов гуманитарных специальностей, обучающихся на 1 – 5 курсах Пермского государственного института искусства и культуры. По роду деятельности они принадлежат к группе горожан, постоянно обращающихся к книге.

Студенты-гуманитарии являются книжниками «по умолчанию». Можно предположить, что в их жизненном мире книге принадлежит определенное место; она имеет для них значение. По такому принципу респондентов и отобрали.

Кроме того, студенты, принадлежащие к городскому сообществу, являются носителями современных урбанистических культурных трендов:

экономизма, стремления к комфорту, удовольствиям, динамизма, готовности к экспериментам. Именно это обстоятельство позволяет видеть в студентах-гуманитариях репрезентативную группу.

Методика исследования. Нами была разработана диалогическая матрица, в соответствие с которой велась беседа. Вопросы были условно поделены на три блока. В первый блок вошли вопросы, которые объединены в общие проблемные для исследователя темы, касающиеся непосредственно культуры чтения. («Что читаешь?»; «Как читаешь?»; «Кто читать научил?»; «С кем обсуждаешь прочитанное?»; «Для чего читаешь?»). Во второй блок включены вопросы, помогающие установить общие ценностные ориентиры студенчества. («К чему стремишься?»; «Чего хочешь добиться?»; «На кого ориентируешься?»). Третий блок вопросов помог установить статусные характеристики городского студенчества. («Кто ты такой?»).

Результаты исследования. Указывая на вовлеченность респондентов в городские книжные процессы, можно отметить, что их повседневный мир оторван от книжного мира. Общение с книгой носит случайный характер. На их книжные пристрастия влияют в большей степени «книжные» ценности, транслируемые либо преподавателями, либо членами его домашней студенческой группы. У респондентов не происходит формирования индивидуальных ценностных установок по отношению к книге как продукту книжной культуры.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- Современная книжная культура студента-гуманитария интерпретируется в поле феноменологической традиции, позволяющей рассматривать книгу как элемент жизненного мира современных горожан;
- Значение книги в жизненном мире студента-гуманитария рассмотрено через призму его коллективных опытов, реализуемых в современном постсоветском городском пространстве;
- На основании антропологических исследований, проведенных по оригинальной авторской методике, установлено смысловое наполнение книжной культуры студентов-гуманитариев;
- Проверена гипотеза о переосмыслении значения книжной культуры для нового поколения горожан;
- Уточнен понятийный аппарат культурологии для изучения книжной культуры.

Теоретическая значимость исследования: предложенный вариант исследований книжного современного пространства в контексте феноменологической теории обеспечивает эвристически продуктивную основу для научного анализа книжной культуры путем включения в общественные науки правил и структуры повседневности. Благодаря этой феноменологической теории дополняются сложившиеся представления в области знания, касающиеся современного состояния и проблем книжной культуры.

Практическая значимость исследования: по материалам данного исследования автором диссертационной работы разработаны и внедрены учебные спецкурсы «Информационная культура» для студентов 1 курса по направлению 0333000 «Культурология» и «История книжной культуры» для студентов 3 курса по направлению 0333000 «Культурология», материалы диссертации также могут быть использованы при разработке вузовских спецкурсов по теории и истории культуры, городской культуры, в прикладных исследованиях смежных проблем.

Достоверность и обоснованность результатов исследования:

Достоверность проведенного исследования определяется использованием научных методов, принадлежащих к инструментарию гуманитарного знания. Эти методы сбора информации апробированы антропологическими исследованиями, проводимыми в нашей стране (Э.А. Орлова, П. В. Романов, Е. Р. Смирнова-Ярская) и за рубежом (К. Леви-Стросс, Б. Малиновский, М. Мид, А. Радклифф-Браун) и др.

Результаты исследования обоснованы большой исследовательской традицией, трудами культурологов (П. Бергер, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Т. Лукман, А. Шюц).

Апробация основных идей исследования

Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в научных публикациях автора.

Материалы и результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на конференциях: Всероссийская научно-практическая конференция «Культурологическое образование: историческая перспектива и современные тенденции» (Пермь, 2006 г.); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Система непрерывного художественного образования: теоретико-методологические аспекты» (Пермь, 2007); Всероссийская конференция «Социально-культурное пространство региона: традиции, опыт, инновационные модели» (Пермь, 2008).

Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались и докладывались на общегородских научно-практических и методологических семинарах в Пермском государственном техническом университете (кафедра культурологии) и в Пермском государственном институте искусства и культуры (кафедра культурологии), 2009, 2010 гг., а также на круглом столе «Перспективы развития социально-культурной сферы в условиях информационного общества» (Пермь, 2010).

Положения, выносимые на защиту:

Книга является элементом жизненного мира современного студента-гуманитария при определенных условиях: а) если в пространстве его коллективного опыта присутствуют технологии владения книгой (книжная культура); б) если книжная культура обладает для сообщества, к которому он принадлежит, житейским смыслом.

Студент-гуманитарий видит в книге элемент образовательного опыта, образующего периферию жизненного мира, ту его часть, которая соприкасается с (возможной) профессиональной деятельностью и, стало быть, утрачивающую свою беспроблемность, естественность, привычность. В этом случае книга – синоним учебника.

В иной проекции книга для студента-гуманитария является частью его интерсубъективного опыта, разделенного с родителями, мира родительской семьи, покидаемого дома.

Структура и объем работы определяются поставленными задачами. Диссертация включает введение, две главы, заключение, библиографический список (включающий 258 наименования), приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень ее научной разработанности с точки зрения существующих теоретико-методологических традиций, обозначаются объект, предмет, цель и задачи исследования, его структура. Раскрывается методологическая и теоретическая база работы, а также обосновывается ее научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Книжная культура в теоретико-методологической традиции» представлены в очерковом виде гуманитарные школы, создавшие определенные исследовательские традиции к изучению книжной культуры. В данном случае под традицией понимается продукт инкультурации исторических форм культуры в новую культурную среду.

В параграфе 1.1 «Становление книжного нарратива (от дескрипции к предметно-функциональному анализу)» анализируется процесс формирования книжной проблематики в гуманитарном знании в *книговедении* как особой дисциплине. Первые библиографы подходят к книге вполне утилитарно – как к особому артефакту, нуждающемуся в систематизации. Книга как таковая не нуждается в особой интерпретации: ее свойства очевидны. Они могут быть описаны в определенном порядке для того, чтобы читатель мог найти нужную книгу. Читатель – это человек, которому книга нужна для дела. Читателя полагается воспитывать, то есть обучить искусству поиска нужной книги, умению ее отличить от ненужной и пр. Тема книжной культуры подчиняется наивному прагматизму, свойственному начальным формам модернизации, в каких бы социально-политических условиях она не происходила.

Новым этапом в изучении книги можно считать появление *исторической* школы, получившей развитие в XIX – XX веках. Для нее было и остается характерным интерес к социокультурной ситуации, в которой по-

являются и обращаются книги. В советском изводе исторической школы особое значение придавалось связи книгопроизводства с изменением экономического базиса общества и соотношения классовых сил. Благодаря исторической школе книжная проблематика была введена в исследовательское пространство культуры.

Описывая судьбу книг, ее историки, однако, не затрудняли себя вопросом, как ее описать на языке культуры, удовлетворяясь очевидностями.

Изучение книги не ограничивалось историческими подходами. Параллельно с исторической школой в XX веке формировалось и развивалось *предметно-функциональное* направление в изучении книги, характеризующееся отношением ее к классу явлений, имеющих более общее название «документ». Итак, анализируя труды в рамках становления книжного нарратива (от дескрипции к предметно-функциональному анализу) мы можем сказать, что современные тенденции в развитии книговедческого знания демонстрируют наличие не только специфических, но и общих теоретических и методологических проблем (общих мест), характерных для всех отраслей гуманитарного знания. С точки зрения исторического подхода наблюдается выход на микро-историю и диалоговую форму поиска нарратива, с точки зрения структурного функционализма выход на смежные с другими науками проблемные поля. Данные подходы остаются востребованными и рабочими моделями, в существующих научных институтах, несмотря на новую ситуацию, когда появляется прямая угроза исчезновения самой главной категории «книги» как продукта книжной культуры.

В заключение параграфа делается вывод о том, что сегодня перед книговедением встала новая проблема: как соотнести прежние традиционные формы книги с новыми электронными библиотеками на цифровых носителях, интернет-изданиями и пр. Современные технологии заставляют заново вернуться к вопросам, казалось бы, окончательно решенным прежними поколениями книговедов: что есть книга, по какому принципу она должна быть классифицирована и т.д.

Попытаемся сформулировать собственный ответ на этот вопрос.

Книга – это, во-первых, множество слов, объединенных общей идеей (темой) в целостное повествование; во-вторых, предмет, изготовленный с помощью типографского станка или вручную на бумаге, или каком-то ином приспособленном материале; в-третьих, это повествование, предлагаемое для чтения не известным автору людям. Смысловое наполнение *книги* определяется господствующей культурой – традиционалистской или индустриальной.

В параграфе 1.2 «Книга как феномен культуры: от древнерусской книжности к теории коммуникаций» рассматривается множество концептуальных подходов, различающихся методологическими установками, исследовательскими техниками, тематикой изучения. В рамках культурологической традиции нами выявлено множество парадигм, рассогласо-

ванных в своих исходных принципах, причем, парадигм открытых, внутри которых не прекращаются дискуссии.

В исследованиях, отнесенных нами к *культурно-мемориальному* подходу, книге отводится роль памятника культуры, прежде всего, древнерусской книге, которая воплощает в себе все достоинства отечественной культуры. В работах Д. С. Лихачева, в которых, с нашей точки зрения, представлены определяющие позиции данного подхода, наблюдается тенденция перевода книжной культуры в этическое поле. Носителями высших духовных ценностей русской нации Д. С. Лихачев считал интеллигенцию. Продуктивность применения культурно-мемориального подхода к изучению книжной культуры в интерпретации Д. С. Лихачева нам видится в том, что предложены критерии, позволяющие отделить книжную культуру от продуктов массовой культуры, по мнению сторонников данного подхода, низкопробной, газетной. Таким образом, заданы границы, рамки книжной культуры, которой автор придал человеческое измерение, тем самым считая её важным элементом формирования личности.

В XX веке популярной становится методология постструктурализма и семиотики, с нашей точки зрения принципиально отличающихся от классического понимания *книги* и культуры. Проблемы книжной культуры рассматривались в рамках *семиотического подхода*. Для представителей данного подхода культура является производной от текста (система знаков, включающих слово, произведение, предложение, язык), *книга* также отождествляется с текстом (Ф. де Соссюр). С данной позицией согласны представители отечественной тартуско-московской семиотической школы, в которой выявляются две традиции: лингвистическая (московская) (Б. Успенский) и литературоведческая (тартуско-ленинградская) (Ю. Лотман).

Школы Ю.М. Лотмана и Д.С. Лихачева сближает отношение к *книге* как к памятнику, позволяющему вспомнить культуру вчерашнего дня, а разделяет – отношение к современной *книге*, к ее разножанровости. Для школы Д.С. Лихачева «низкие жанры» стоят вне культуры; они загрязняют «общий дом». Для школы Лотмана – детективная, приключенческая литература – это не отбросы культуры, а ее составная часть.

Семиотический подход к изучению концептуально связан с *коммуникативным подходом*, в котором *книга* предстает как средство социальной связи между людьми. (А.В. Соколов, Т.М. Дридзе)

В концепции известного канадского ученого М. Маклюэна *книга* включена не только в процесс книгопечатания и письма, но и является носителем специфической технологии – передачи речи и мыслей при помощи фонетического алфавита. Он указывает на то, что *книга*, наряду с другими изобретениями, является одним из орудий и инструментов, расширяющих телесные возможности человека, благодаря которому стало возможно накапливать и передавать опыт, увеличивать память, тем самым развивая человека. Согласно М. Маклюэну, со временем создание и освоение новых ин-

струментов производило радикальные изменения в жизнедеятельности человека, в том числе в повседневной жизни. В связи с этим им вводится новая периодизация культуры, в основе которой ее деление на докнижную, книжную и посткнижную.

Процесс освоения и внедрения технологий виртуальной реальности провоцирует множество социальных вызовов. Это актуализирует исследования данных трансформаций, которые представлены в работах М. Кастельса, У. Эко, М. Мэмфорда, Н. Баранова, С. Конева, В. В. Орловой и др.

В рамках культурологической традиции мы определяем **книжность** как форму культуры, возникающую в процессе освоения *книги*. Данный процесс может включать в себя: *умение создавать (писать), читать, интерпретировать*. При этом **книжность** должна быть включена в категориальный аппарат в случае, если *книга* для участников книжного процесса обладает ценностью. Тогда **книжность** тождественна культуре *книги*. Носителя же книжной культуры, который освоил все читательские практики и для которого *книга* обладает ценностью, можем назвать **книжником**.

В параграфе 1.3 «Концепция повседневности Э. Гуссерля-А. Шюца: эвристические возможности изучения книжной культуры» говорится о том, что состязание между парадигмами создает интеллектуальную напряженность в «книжной области» культурологии, тем самым расширяя поле для дискуссий внутри произведенного в прошлую эпоху каркаса книговедения. Обосновывается возможность использования концепции жизненного мира (КЖМ), опирающейся на философскую методологию Э. Гуссерля – А. Шюца для решения исследовательских проблем. Актуальным подходом выступила концепция А. Шюца, которого интересуют жизненные миры, точнее систематизированные знания о них, выраженные в теоретических моделях, которые можно проверить эмпирическим путем. Сдвиги в культуре, как правило, создают ситуацию, порождающую кризис гуманитарной парадигмы – в нашем случае культурологических парадигм книжности. В таких условиях возможно создание новой парадигмы, на что мы не претендуем, или обращение к концепциям, ранее не использовавшимся для интерпретации *книги* и книжной культуры в социальном пространстве.

По нашему мнению, в терминах А. Шюца *книга* может быть рассмотрена как фрагмент (компонента) жизненного мира, создаваемого коллективным опытом индивидов, то есть опривыченного, освоенного на индивидуальном уровне участка социального пространства. Когда выписывается словосочетание «жизненный мир», имеется в виду повседневность.

1) **жизненный мир** – это мир в естественной установке сознания (*natural attitude*), с помощью которой человек живет и действует в жизненном мире. Эта установка прагматична, утилитарна и включает в себя различные области релевантности. С точки зрения книжной культуры *книга* – часть жизненного мира, не вычлняемая, но узнаваемая;

2) жизненный мир – это интегративная характеристика человеческого бытия и поведения в социальном мире. Каждая отдельно взятая ситуация является эпизодом в цепи человеческой жизни, и поведение в ней человека основано на его предшествующем жизненном опыте. Как содержание, так и последствия этого опыта уникальны. Феноменологически это означает, что жизненный мир человека – это его бытие в биографически детерминированной ситуации. Книга здесь инструмент определения среды и обучения общим конструктам, а также инструмент эстетизации пространства;

3) понятие жизненного мира включает в себя и те средства, с помощью которых человек ориентируется в жизненной ситуации и достигает поставленных целей, используя запас наличного знания. Человек не может ни интерпретировать свой опыт и наблюдения, ни строить жизненные планы, ни даже определить ситуацию, в которой он находится, не обращаясь к персональному запасу наличного знания. Но варианты этого обращения различны: чем больше, толще пласт типизаций и интерпретаций тем разнообразнее варианты общения и создания новых конструктов; поверхностное обращение к знаниям ведет к их обесцениванию и превращению в символы; высокая степень типизации опыта создает ситуацию отчуждения от знания.

Во второй главе «Книжность в индивидуальных проекциях социального мира», опираясь на традицию изучения книжной культуры в разных парадигмах, мы обратились к методологии Э. Гуссерля – А. Шюца для того, чтобы интерпретировать состояние книжной культуры студента-гуманитария.

В параграфе 2.1 «Книжная культура современного российского общества: к постановке проблемы» **книжность** рассматривается как особая культурная форма, эволюционирующая под воздействием общих тенденций развития культуры и обладающая территориальной и социальной спецификой.

Содержание **книжности** может быть понято как совокупность технологий, практикуемых в обществе по отношению к тексту. Эти технологии могут быть разбиты на писательские (творчески производительные), коммуникативные (трансляционные), потребительские (присваиваемые). В *книге* мы находим все элементы культуры. В них конструируются ценности, наследуются нормы, вырабатываются соответствующие институты и формируются смыслы. **Книжности** свойственна интегративность, поскольку она включена в модернизационные институты – образование, семью и др. Посредством *книги* происходит не только обучение, но и социализация. Однако существуют исторические пределы **книжности**: она появляется раньше модернизации и на определенном этапе умирает, либо уходит на периферию, заменяясь по функциям на другие виды культуры (экранную, медийную и др.). Определяя **книжность** как особый вид книжной культуры, можно выделить её пространственную составляющую: ранее **книжность**

представлялась как вид религиозной культуры. Владение книжной культурой являлось фактом принадлежности к высшему знанию.

Итак, на современном этапе **книжность** становится частью общей культуры, поэтому несет отпечаток всех изменений, которые происходят в культуре. Таким образом, обозначаются вызовы: вызов новых технологий (от TV до компьютерных технологий); вызов традиционной культуры (*книга* имеет сакральный статус). Сегодняшний вызов – социальный, когда новые общественные группы вынуждены черпать знания из коллективного опыта. Очевиден кризис разных культур: книжной и некнижной. Кризис книжности – часть общего кризиса. Конфликтной средой выступает городская жизнь, которая наполнена конфликтами нового типа, про которые на языке обыденной культуры говорить невозможно. Современная городская культура предполагает смену жизненных статусов, она уже не может дать ответы на интересующие акторов книжной деятельности вопросы, что явно ведет к отказу от традиционной книги.

В городе проходят апробацию новации книжной культуры, книжности, которые затем спускаются в качестве образцов на остальное общество. Анализируя городскую среду мы пришли к выводам: Дисбаланс между жизненным миром горожанина в частной и общей среде, когда личные коннотации становятся анонимными практиками, ведут к обесцениванию книжной культуры, рабочими остаются лишь ссылочный вариант и сознательное отчуждение.

Массовая культура – это система символической адаптации к происходящим переменам. Обозначим ее границы в вертикальном измерении. Нижний уровень массовой культуры обозначает разучивание поведенческих образцов с использованием самых примитивных инструментов, позволяющих принять новое общество на уровне повседневных практик. Верхний уровень, в свою очередь, позволяет принять образ общества в его мифологическом виде, освоить рационально публичные практики, инсценировать (Л. Ионин) статусные позиции. В этом процессе роль книжной культуры представляется ролью подчиненной, дополнительной – по отношению к зрелищной культуре, к тем образам для подражания, которые предоставляет телевизионная картинка.

Адекватному осмыслению книжного современного пространства, на наш взгляд, поможет разворот исследований в сторону феноменологической теории с учетом её методологических принципов: индивидуализации, интерпретации и ведущего – понимания, который обеспечивает эвристически продуктивную основу для научного анализа общества путем включения в общественные науки правил и структуры повседневности.

В параграфе 2.2 «Книжки в современной культурной ситуации» акцентируется внимание на изменение культурного статуса людей, владеющих совершенными формами книжной культуры.

Ответ на вопрос, есть ли в современном российском обществе «книжники», не является очевидным, как представляется на первый взгляд. Доминирование массовой культуры (Л. Гудков и Б. Дубин) устраняет из социального поля этого персонажа.

Для выяснения места книги в жизненном мире студентов-гуманитариев было проведено антропологическое исследование на основе авторской методики, опирающейся на концепцию жизненного мира Гуссерля – Шюца. Заявленная методология определила технику исследования, включающую:

- интерпретацию текстов и их классификацию, что позволяет нам опереться на предшественников и включить в большую традицию;

- проведение полевого антропологического исследования жизненного мира горожан – представителей городской молодежи, имеющей стандартизированное образование и получающей гуманитарное.

Основные выводы и результаты исследования:

1. В результате проведенного исследования нам удалось выяснить, что собой представляет современный городской книжник – это молодой студент, получающий гуманитарное образование. Является городским жителем во втором поколении. Это человек конформистски ориентированный на потребительские ценности, стремящийся к комфорту и удовольствиям. Городскую среду воспринимает как достаточно враждебную, поэтому пытается «укрыться» в узкой группе своих сокурсников, отгораживаясь от среды сверстников, не вовлеченных в вузовское сообщество. В своей будущей профессиональной деятельности не видит источника достойного социального положения и не имеет представления о сферах деятельности, которые бы привели к нему.

2. Общение с *книгой* носит случайный характер. На его книжные пристрастия влияют в большей степени «книжные» ценности, транслируемые либо преподавателями, либо членами его домашней студенческой группы. У него не происходит формирования индивидуальных ценностных установок по отношению к книге как продукту книжной культуры. Поскольку он не считает *книгу* инструментом достижения успеха в реальном жизненном пространстве, у него нет стимула к расширению книжного кругозора, к совершенствованию *книжных* практик таких, как овладение новыми методиками чтения, знакомство с новыми книжными интернет-ресурсами и т.д.

3. В современных городских условиях освоения книжной культуры на уровне студенческого сообщества не наблюдается, даже в качестве инструмента для значимых социальных практик: статусных, профессиональных, карьерных. Значимой символической ценностью книжная культура для данной категории респондентов не обладает.

4. Исследование обнаружило «сбой» в трансляции книжной культуры от старших поколений к младшим. В жизненном мире студента-

гуманитария, профессионального носителя книжности, книга утратила свои смыслообразующие характеристики. Вернет ли она их в условиях нормализации общества, или новый мир стоит на пороге второго издания Средневековья с его «пиксельным мышлением» (А. Иванов)? В сегодняшней ситуации представляются в равной степени возможными обе перспективы. Дальнейшие исследования в этой области позволят выстроить более надежные прогнозы на будущее, становление которого происходит на наших глазах.

Основное содержание диссертационного исследования представлено в следующих публикациях:

*Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах,
Определенных ВАК МОиН РФ:*

1. Иванова, Л.Г. Книжный элемент повседневности в современном городском сообществе / Л.Г. Иванова // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2010. - № 20 (201). – С. 43 - 49.
2. Иванова, Л.Г. Книжная культура современного студенчества / Л.Г. Иванова // Интеллигенция и мир. - Иваново, 2010. - №4. – С. 68 - 80.

Публикации в других изданиях

3. Иванова, Л.Г. Пермская книга как элемент региональной идентичности / Л.Г. Иванова // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе. Т. II. Концепция гуманитаризации высшего и среднего специального образования: мат. VIII Всерос. науч.-практ. конф. 25 апреля 2006 г. / Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 165 - 168.
4. Иванова, Л.Г. Д.С. Лихачев и «экология культуры» / Л.Г. Иванова // Культурологическое образование: историческая перспектива и современные тенденции: мат. Всерос. науч.-практич. конф. 25-26 октября 2006 г. / Перм. гос. ин-т искусства и культуры. – Пермь, 2006. – С. 92 - 98.
5. Иванова, Л.Г. Книжная культура: дефиниции понятия / Л.Г. Иванова // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. – Пермь, 2006. - № 2. – С. 36-43.

6. Иванова, Л.Г. Книжная культура, книжность: к определению понятий / Л.Г. Иванова // Вестник Пермского государственного технического университета. – Пермь, 2009. - №2 (23). - С. 40-47
7. Иванова Л.Г. Эволюция книжности в исторических формах отечественной культуры / Л.Г. Иванова // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. – Пермь, 2010. - № 9. – С. 33 – 40
8. Иванова, Л.Г. Традиционные институты книжной культуры в современном культурном пространстве / Л.Г. Иванова // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. – Пермь, 2011. - № 10. – С. 91 – 97

Подписано к печати 25.05.2011 г. Формат 60х84/16.
Бумага ксероксная. Печать ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. листов 1,3. Тираж 100 экз. Заказ № 3210.

Издательство ГОУ ВПО «ШГПУ»
155908, г. Шуя Ивановской области, ул. Кооперативная, 24
Телефон (49351) 4-65-94

Отпечатано в типографии ГОУ ВПО
«Шуйский государственный педагогический университет»
155908, г. Шуя Ивановской области, ул. Кооперативная, 24